«Джон Аллердайс поступил с умеренно большой рваной раной на левом виске. Рана сильно кровоточила, и его немедленно доставили ко мне. Учитывая расположение раны, я проверил, не получил ли он сотрясение мозга. Зрачковый рефлекс был в норме, он мог следить за моим пальцем, пациент был бодр, осознан и внимателен. Я решил, что вероятность сотрясения мозга минимальна, но сказал его родителям, чтобы они не отпускали его из школы в течение следующих двух дней и немедленно привезли его, если что-то изменится».

«Какого курса лечения вы придерживались?», - спросила я.

«Мы надавили на рану, чтобы остановить кровотечение, затем промыли ее стерильной водой. После этого я нанес местную анестезию, и зашил рану, а затем наложил марлю и повязки. У нас есть фотография того, как выглядела его рана сразу после очистки, в его карте, вы должны получить ее копию вместе с другими записями», - объяснил доктор Майклсон.

«Сколько швов потребовалось наложить на рану?», - я записала себе в блокнот: фотография раны в момент ее наложения будет хорошо сочетаться с той, что я сделала вчера в здании суда.

«На рану мистера Аллердайса можно было наложить от девяти до двенадцати швов», - сказал врач. «Учитывая, что пациент - молодой подросток, я проявил осторожность и наложил двенадцать швов».

«Было ли что-то еще, что приходит на ум в связи с самим посещением больницы?», - спросила я.

«Ничего особенного, нет», - сказал он мне. «Мистер Аллердайс был у меня на приеме через три дня, и я отметил, что рана хорошо заживает, а швы рассосутся сами собой через две недели».

Я моргнула; я не думала, что саморассасывающиеся швы - это такая вещь, но была рада, что ошиблась. Это означало, что мне, по крайней мере, не придется беспокоиться о том, что какой-нибудь никудышный врач из колонии не справится со снятием швов Джона.

«Тогда очень хорошо», - я снова полезла в сумку. «Сейчас я хотел бы задать вам несколько вопросов, которые носят другой характер, доктор Майклсон».

«Конечно», - сказал он, не отрываясь от карты. «Задавайте».

«Что касается расположения раны, не могли бы вы прокомментировать, какой удар должен быть нанесен, чтобы вызвать такие повреждения?»

«Судя по тому, что я видел здесь, в скорой помощи, вам понадобится относительно твердый предмет, нанесенный прямо в голову», - он пролистал карту, чтобы показать мне первоначальную картину травмы Джона. «По краям раны можно определить, что она была нанесена округлым предметом, а не острым, поэтому кожа скорее порвана, чем порезана. Для раны такого размера я бы сказал, что мистеру Аллердайсу крупно повезло».

«Как это?», - спросила я.

«Судя по расположению раны, удар был нанесен примерно на полтора дюйма выше левого глаза, так что удар пришелся, по сути, на дальнюю часть лба. Если бы удар пришелся на полтора дюйма дальше, то он пришелся бы в висок, который является гораздо более тонкой частью черепа», - Доктор Майклсон поднес палец к собственному лицу и продемонстрировал положение, о котором говорил.

«Какие травмы могли бы быть получены в этом случае?»

Доктор Майклсон резко выдохнул, его руки поднялись, прежде чем он позволил им упасть на стол.

«Парень, вероятно, никогда бы не вышел из того переулка», - сказал он. «Вы сказали, что вы адвокат защиты?» - спросил он.

«Верно», - сказала я, подняв на него бровь.

«Значит, я полагаю, вы защищаете его потому, что он сопротивлялся и ранил нападавшего», - я кивнула. «Если бы это попало ему в висок, вы бы на него не работали, потому что он был бы либо мертв, либо без мозгов, либо избит до полусмерти тем, кто ударил его в первый раз».

«И последнее для этого интервью», - я полезла в сумку и достала полароидную фотографию стеклянной бутылки, которую мы с Мэттом нашли на стройке, - на ней все еще оставались следы засохшего, покрытого коркой красно-коричневого вещества. «Достаточно ли этого для нанесения раны, которую вы видели на мистере Аллердайсе?»

«Дайте мне взглянуть?», - я передала ему фотографию, и доктор Майклсон снова пролистал карту, сравнивая изображение, которое я передал ему, с изображением в карте Джона. «Я не могу быть уверенным на сто процентов, но я готов сказать, что да, это может вызвать травму такого масштаба».

«Понятно», - я протянула руку и остановила запись. «Доктор Майклсон, большое спасибо, что уделили мне время. И заранее приношу извинения за то, что в ближайшие два месяца мне придется отрывать вас от работы как минимум три раза».

«Мне это может не нравиться, но вы просто делаете свою работу», - пожал он плечами, закрывая карту на своем столе. «Я хочу спросить, как парню удалось защитить себя? Он никогда не рассказывал мне об этом».

О-о-о.

«Боюсь, в данный момент я не имею права разглашать эту информацию», - сказала я, обходя вопрос. «Пока у меня не будет времени просмотреть интервью прокурора и сравнить то, что они говорят, с тем, что сказал мистер Аллердайс».

«Вы думаете, ваш клиент лжет?», - Доктор Майклсон нахмурился и откинулся в кресле, скрестив руки на груди.

«Доктор, пока мы не приведем их к присяге, а иногда и тогда, кто-то всегда лжет», - сказала я ему, собирая свои вещи и вставая, разглаживая юбку. «Самое сложное - выяснить, кто и почему».

***

Когда мы с Мэттом закончили работу в больнице и вернулись в Манхэттен, было уже за полдень. Я угостила его обедом, забрала копии документов, переданных нам обвинением (переплетенные в пару больших папок, которые, к счастью, поместились в его рюкзак), выполненные шрифтом Брайля, и попросила забрать их домой.

«Я хочу, чтобы ты сделал все возможные выводы в свое собственное время», - сказала я ему. «Если я буду присутствовать в комнате, когда ты будешь просматривать это, ты спросишь меня о моем мнении или о том, что я поняла из этого. Я хочу, чтобы ты прочитал их сам, сопоставил их с тем, что у нас есть и что нам известно, и сформировал теорию дела. Составь ряд событий, определи, кто виноват, а потом подумай, как ты докажете, что твой ряд событий верен».

Затем я отправила его домой. Я дала ему тридцать долларов на ужин и завтрак за счет фирмы, намеренно игнорируя его протесты, что это слишком много, вызвала машину, которой фирма пользовалась ежедневно, и попросила отвезти его в его квартиру в Адской кухне.

А потом я осталась одна в своем офисе.

Я заперла дверь, достала из нижнего ящика стола кассетный плеер, вставил кассету «Роллинг Стоунз» и нажала кнопку «играть».

Включив фоновую музыку, я открыла коробку на столе и принялась за работу.

http://tl.rulate.ru/book/105574/4010890